

ратура, которая уже формулировала положения решительной борьбы с королем и его окружением и не менее отчетливого выступления против иезуитов как поборников усиления королевской власти в Польше. В дальнейшем, однако, и еще до наступления открытой гражданской войны, между рокошанами наметились два течения: более зажиточная шляхта, боявшаяся за целостность своих имений, скорее готова была пойти на мирные переговоры со сторонниками короля; наоборот, идеологические представители шляхетских «низов» продолжали требовать детронизации короля и элекции какого-нибудь «Пяста». Сходный процесс расслоения наблюдаем потом среди конфедератов, где также наметилось более умеренное течение, пытавшееся договориться с королем, и более радикальное, шедшее даже на такие меры, как известный акт его неудачного похищения. Неудивительно, что сходные социальные и политические условия получили более или менее сходное отражение в литературе. Конечно, и тут были хронологические посредники между рокошанами и конфедератами, но о посредниках этих будет речь в следующей главе. Основные темы затрагиваются и рокошанами и конфедератами. Это вопрос о виновных в бедственном положении страны; далее вопрос об отношениях их с соседями, которые могут, воспользовавшись междоусобиями, вторгнуться в пределы Польши, и, наконец, указание на пример «доблести» предков, который должен де воодушевить шляхту к согласию внутри и к дружному действию вовне. Все эти элементы, однако, неодинаково представлены у тех и других, за исключением, впрочем, первого пункта. Уже вопрос об отношении к соседям был для рокошан во всяком случае менее актуален, чем для конфедератов, потому что в Польше тогда не господствовали иностранные войска, как при правлении Станислава Августа. Рокошане поэтому склонны использовать «угрозу» со стороны иностранцев скорее в качестве агитационного приема в своей борьбе со сторонниками короля. В этом смысле, напр., автор «*Żałosnej przestrogi*» восклицает:

Obróćcie miecze swe na nieprzyjaciele,
Lachowie mężni, nie mieszkając wiele,
Bo szuka Turak okazyjej takiej,
By was ułowił, jako w sidle ptaki.¹

В другом месте автор с этой же точки зрения говорит о нападениях татар, опустошающих Подолию; наконец, некоторые авторы жалуются на тяжелое положение поляков, оказавшихся тогда в плену в Москве. Все эти события, однако, не касались основных владений Речи Посполитой

¹ Czubek, op. cit., стр. 202.